

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА *ционя*
18182 ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

41
9

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕНЧИКОВА

ГОДИЧНЫЙ АКТЪ

ВЪ

РИШЕЛЬЕВСКОМЪ ЛИЦЕѢ,

21-го Іюня 1848 года.

М.М.

249
10

ОДЕССА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Г. ЛЕЙМАНА И КОМП.

1848.

1/11
29

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА

Печатано по опредѣленію Лицейскаго Совѣта. Одесса, 16 Іюня 1848 года.

Секретарь Д. Логиновъ.

ОБЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ ЯЗЫКА РУССКАГО

И ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЕГО

КЪ

ЯЗЫКАМЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИМЪ.

РЪЧЬ,

ПРОФЕССОРА КОНСТАНТИНА ЗЕЛЕЦКАГО.

ОНУ ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА

41
9

О ть благосклонности вашей Мм. Гг. жду одобрения въ настоящемъ случаѣ при бѣгломъ разсмотрѣніи особенностей отечественнаго языка нашего, не смотря на все превосходство и величіе самаго дѣла. Другіе предметы знанія, составляя исключительное достояніе людей, посвященныхъ въ ихъ таинства, подлежатъ суду общественному въ меньшей мѣрѣ. Напротивъ языкъ народный есть достояніе cadaго и говоритъ самъ за себя. Сомнѣніе, которое въ другомъ случаѣ могло бы пройти незамѣтно, здѣсь высказывается невольно и готово поколебать въ основаніи всякое положеніе сколько нибудь невѣрное. Языкъ русскій въ особенности свѣтелъ самъ по себѣ и могучъ до того, что, перенося въ свою сферу предметы самые отвлеченные, запечатлѣваетъ ихъ чертами рѣзкими, осязательно-понятными для ума. И такъ, предметъ слова нашего — языкъ русскій.

Было время, когда сами иностранцы ¹⁾ упрекали насъ въ томъ, что

¹⁾ Еще въ 1810 году мадамъ Сталь въ своемъ сочиненіи: de l'Allemagne (Oeuvres complètes de madame la baronne de Staël-Holstein. Paris, 1838, tome deuxième gr. in 8° 20 pag.) писала изъ Вѣны: «Русскіе и Польки, составлявшіе украшеніе вѣнскаго общества, говорили только по французски и языкомъ своимъ пытѣлись пѣвцѣй.... Подражаніе французскому вкусу даже въ Русскихъ и Полякахъ — нашихъ всего болѣе гибкихъ, ставовится утомительно: французскіе стихи, написанные Русскими, похожи на латинскіе стихи среднихъ вѣковъ. Иностранный языкъ есть всегда и во многихъ отношеніяхъ языкъ мертвый. Сочинять французскіе стихи есть дѣло вѣстѣ и самое легкое, и самое трудное. Перевѣстывать и потомъ на тотъ же ладъ слизывать полустышій писателей уже извѣстныхъ есть дѣло чести. Надобно дышать воздухомъ страны, мыслить на языкѣ ея, наслаждаться и страдать, выпиваясь на этомъ языкѣ, для того, чтобым

мы слишком пристращены къ французскому языку и отчасти пренебрегаемъ своимъ отечественнымъ. И должно признаться, упрекъ этотъ былъ совершенно справедливъ, законенъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое языкъ народа, какъ не органъ всей его умственной, нравственной и общественной жизни? Слово возникаетъ изъ глубочайшихъ нѣдръ организма нашего и есть голосъ самаго духа. Отъ того то особность народа, его вѣрованія, понятія, завѣтныя думы ни въ чемъ не выражаются въ такой опредѣлительности, какъ въ языкѣ. Пренебречь свой языкъ значитъ пренебречь самаго себя, значитъ произвольно лишиться себя того участія, которое дано Провидѣніемъ каждому народу, а слѣдовательно и каждому его члену, въ общихъ судьбахъ человѣчества. Чужой природы, чужаго образования въ первоначальныхъ движеніяхъ ума и сердца, а слѣдовательно и чужаго языка, усвоить себѣ мы не можемъ. Что же такое будемъ мы, если забудемъ свой языкъ, голосъ своего сердца и ума? Можно ли оставлять безъ вниманія то, что въ кругу всего человѣчества даритъ народу самообытность и призываетъ его къ особому труду и особой цѣли въ общемъ дѣлѣ образованія и развитія?

Но замѣчанія, о которыхъ мы упомянули выше, справедливы были лѣтъ за тридцать предъ этимъ. Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось.

живописать въ поэзіи свои дѣйствительныя чувства. Иностранцы (не-французы), которые прежде всего думаютъ льстить своему самолюбію тѣмъ, что говорятъ правильно по-французски по слѣбуютъ судить иначе о нашихъ писателяхъ, какъ по приговорахъ нашихъ же литературныхъ извѣстностей изъ опасенія конечно, чтобы не подать виду, что эти писатели не понятны для нихъ... Если вы встрѣчаете настоящаго француза, вы находите удовольствіе въ бесѣдѣ съ нимъ о литературѣ французской; вы чувствуете, что находитесь у себя, въ своемъ кругу; но о французенный иностранецъ (un étranger français) не позволитъ себѣ ни мысли, ни выраженія, которыя бы не были освящены какимъ либо авторитетомъ; въ тому же весьма часто принимаетъ онъ авторитетъ уже устарѣлый за современное и господствующее мнѣніе. Читая эти строки, удивляешься уму и прощательности женщины, которая такъ вѣрно и такъ глубоко понимала значеніе національности и въ языкѣ и въ мышленіи еще въ то время, когда сознаніе этой идеи не было пробуждено въ европейскихъ народахъ и когда французское вліяніе продолжало господствовать въ ихъ высшихъ слояхъ.

Успѣхамъ XIX столѣтія, нашей политической славѣ, которая невольно пробудила сознаніе національнаго достоинства, наконецъ природному уму русскому, который легко освобождается отъ увлеченій и очарованій всякаго рода, обязаны мы тѣмъ, что обвиненія, означенныя выше, нѣкогда совершенно вѣрныя, теперь постоянно, все болѣе и болѣе теряютъ свою силу. Мы сознаемъ себя, цѣнимъ и любимъ свой языкъ, свою народность. Да и какъ не цѣнить этой народности, когда столько свѣтлыхъ и благородныхъ сторонъ высказано въ ней Батюшковымъ и Жуковскимъ, Пушкинымъ и поэтами его окружавшими. И какъ ясно и единодушно на отдаленнѣйшихъ концахъ нашего отечества сознали мы Русскіе эту любовь къ своему народному теперь, въ минуту, когда Западъ, преклонный лѣтами, поколебался въ основахъ своей гражданственности и пошатнувшись отверзъ между собой и нами пучину, которая отдѣлитъ насъ и позволитъ жить своимъ умомъ и началами своей жизни, подѣ сѣнію Царей мудрыхъ и доблестныхъ.

Понятно однакожъ, что сначала мы болѣе другихъ народовъ увлеклись и языкомъ французскимъ и подражаніемъ французамъ въ быту домашнемъ: недавность, молодость нашего образованія были тому причиною. Притомъ Франціи, конечно по законамъ, которые не зависятъ отъ произвола человѣческаго, суждено было съ конца XVII-го столѣтія распространить свой языкъ и вліяніе по всей сѣверной Европѣ, такъ что и до сихъ поръ языкомъ общимъ въ сношеніяхъ разноплеменныхъ Европейцевъ служить французскій ²⁾. Замѣтимъ, что равномерное участіе cadaго изъ европейскихъ народовъ въ успѣхахъ новаго образованія требовало и языка общаго, повсюду распространеннаго. Языкъ этотъ при томъ не могъ быть какой нибудь мертвый: онъ долженъ былъ

²⁾ Другое подобное втому явленіе находимъ мы въ томъ, что итальянскій языкъ распространенъ между низшими, промышленными классами по всѣмъ берегамъ восточной половины Средиземнаго моря.

принадлежать тому именно народу, который отличается и характером наиболее общительнымъ и участіемъ болѣе дѣятельнымъ въ европейской политикѣ. Таковы именно долгое время были Французы. Ихъ обходительность, свѣтскость содѣлалась образомъ въ сношеніяхъ и связяхъ лицъ высшаго круга, и опредѣлили собою тонъ дипломатическихъ сношеній во всей Европѣ. Замѣчательно, что Французы нашего времени теряютъ эти свойства съ каждымъ днемъ, а это показываетъ кажется, что призваніе Франціи въ обще-европейской жизни, исполнить свое назначеніе, приходитъ къ концу.

Да, въ наше время, когда за французскимъ языкомъ, уже распространившимся по всей Европѣ, осталось значеніе условія, необходимаго для обще-европейскихъ сношеній, значеніе чистой формы, вліяніе французскаго вкуса и образованія утратилось. Все стремится къ своей народности и силится высказать ее не только въ литературѣ и изящныхъ искусствахъ, но и въ формахъ частной жизни. При этомъ общемъ сознаніи, разумѣется, первое вниманіе народа должно быть обращено на языкъ, какъ на ближайшій органъ его національности. Въ этомъ отношеніи нашъ русскій языкъ представляетъ собою явленіе не только весьма замѣчательное и любопытное, но и требующее глубокаго изученія. Причина этому во первыхъ въ томъ участіи, которое столь очевиднымъ образомъ и въ размѣрахъ столь неполныхъ суждено народу русскому принять въ дѣлѣ и въ развитіи обще-человѣческаго образованія, а языкъ, повторяемъ, есть органъ-представитель и главный дѣятель этого развитія. Во вторыхъ причиной этому служить столкновеніе, въ которое національность наша пришла съ образованіемъ Запада, и которое прежде и очевидно всего выразилось въ языкѣ, — столкновеніе необходимое и благотворное, пока мы нуждались въ немъ.

Вотъ почему въ языкѣ русскомъ двѣ стороны. Первая изъ нихъ есть его внутренняя, могучая сила, которая съ одной стороны выражается въ гибкости его грамматическихъ формъ, а съ другой въ ясности

и опредѣленности идей имъ знаменуемыхъ. Здѣсь-то, въ основѣ этого знаменованія, почіетъ мудрость народа. Эта мудрость — въ его первоначальныхъ убѣжденіяхъ, въ тѣхъ постиженіяхъ сторонъ природы и жизни, которая самъ собою, внушеніемъ своего гениа сознавалъ онъ по мѣрѣ того, какъ развивалась его особная національность со своимъ органомъ и опредѣлениѣйшимъ выраженіемъ, языкомъ. Вторая сторона въ языкѣ русскомъ есть потокъ выражений, принесенныхъ съ Запада, необходимый и неизбѣжный. Онъ необходимъ и неизбѣженъ потому что образованіе западной Европы долженствовало быть усвоено Русью, которой историческое призваніе состоитъ именно въ усвоеніи, претвореніи въ себя и потомъ въ передачѣ грядущимъ поколѣніямъ или племенамъ благихъ и полезныхъ результатовъ этого образованія. Но эта чуждая стихія въ языкѣ нашемъ, при всей своей неизбѣжности, не въ силахъ и не должна подавить первой, внутренней его стихіи : напротивъ, сія послѣдняя должна пересоздать все чужое по способу и образу своего ума и постиженія. Разумѣется, своеобразность народнаго гениа нашего къ его умѣ и словѣ довольно сильна, чтобы совершить это пересозданіе не только съ успѣхомъ, но и безъ ущерба своей національности.

Прежде однакожь, нежели мы перейдемъ въ поле филологіи собственно, мы будемъ отвѣчать на вопросъ : что такое философія или врожденная мудрость языка вообще ? Первоначальныя объясненія верховныхъ задачъ бытія, природы и жизни, слѣдовательно высшая философія, вложены въ душу человѣка самимъ Откровеніемъ, просіявшимъ въ ней въ первыя минуты творенія. Оно направило умъ человѣка къ высшимъ цѣлямъ Богопознанія и вѣденія. Вотъ почему каждый народъ, въ первоначальныхъ своихъ убѣжденіяхъ и въ томъ способѣ, какъ постигаетъ и объясняетъ онъ себѣ природу и жизнь, есть мудрецъ и философъ. Разумъ и мысль не дѣйствуютъ однакожь безъ слова. Въ словѣ, въ знаменованіи его грамматическихъ формъ, въ смыслѣ тѣхъ его реченій, которые относятся къ внутреннимъ сторонамъ бытія и знанія, сторонамъ

сокрытымъ отъ чувственнаго взора, заключенъ весь умъ народа со всѣми особенностями его въ пониманіи міра дѣйствительнаго. Если къ этому присоединимъ, что мышленіе и слово возникли въ человѣкѣ одновременно и слились въ одно живое цѣлое, — положеніе, въ которомъ ничь никто не сомнѣвается. — что, стало быть, и въ народѣ глубочайшія и искреннѣйшія движенія его ума и чувства неразлучны съ выраженіемъ своимъ въ языкѣ; то мнѣніе, высказанное нами въ началѣ этого параграфа, получить еще болѣе законности и мы поймемъ, что значитъ мудрость и философія языка. Это именно то значеніе, какъ грамматическихъ его формъ, такъ и реченій, въ коемъ выражается особый, національный взглядъ этого народа на природу и жизнь, взглядъ, если хотите, недоступный для простолюдина, т. е. не сознаваемый имъ, хотя, какъ членъ народа, онъ и самъ имѣетъ его, но понятный для человѣка, призваннаго и приготовленнаго къ размышленію. Вотъ въ чемъ мудрость и философія языка.

Замѣтимъ однакожъ, что въ каждомъ народѣ эта врожденная философія имѣетъ согласно съ историческими условіями его жизни, свой особый характеръ. Она выражается въ особомъ взглядѣ этого народа не только на природу и жизнь, но и на обычный ходъ дѣлъ и событій въ мірѣ общественномъ и гражданскомъ, въ сферѣ науки, искусства и промышленности. Кромѣ общаго смысла человѣческаго и общихъ началъ истины, блага и лѣпоты, у каждаго народа во всѣхъ этихъ частныхъ отношеніяхъ свои понятія; у каждаго свои особые приемы и способы уразумѣвать такъ или иначе явленія общества и жизни, своя точка зрѣнія, своя мудрость и философія. Утонченный корень этой философіи, со всѣми ея особенностями, глубоко сокрытъ въ національномъ характерѣ народа, въ его умственномъ и нравственномъ образованіи. Понятно, что и особность, национальность народной мудрости всего полнѣе выражается также въ языкѣ народа. Потому какъ нѣтъ совершенной одинаковости въ понятіяхъ и умственномъ образованіи

двухъ народовъ, такъ не можетъ быть и совершеннаго сближенія, совершенной одинаковости между двумя языками. Нѣмецкаго Gemüth, какъ нашихъ «разгуль, приволье», какъ и французскаго le somme il faut и какъ англійскаго comfort нельзя въ точности перевести ни на какой языкъ. Вотъ почему на каждый языкъ должно смотрѣть какъ на нѣчто органически-живое, нѣчто такое, что поддается насильственному вліянію иноплеменныхъ началъ только болѣзненно, временно. Разница между языками таже, что и между самими народами: физиономія въ обихъ случаяхъ неуловима ³⁾. Народъ, которому суждена высшая роль въ судьбахъ человѣчества, имѣетъ и языкъ болѣе своеобразный, сильный и богатый. Какъ нѣмецкому свойственна глубина и отвлеченность, французскому — выраженіе всѣхъ мельчайшихъ отношеній общественной жизни, англійскому своего рода механическая поворотливость ⁴⁾, такъ русскому — образная, пластическая опредѣлительность и близость къ явленіямъ природы и жизни, чрезъ посредство мысли, всего менѣе односторонней. Вотъ въ чемъ различіе въ мудрости разныхъ народовъ и языковъ.

Какова же эта мудрость, эта врожденная философія въ языкѣ русскомъ? Его грамматическія формы, т. е. словотеченіе и образованіе именъ и глаголовъ, покажутъ намъ его характеръ или тѣ свойства, въ коихъ философія эта проявляется. Вся же полнота народнаго ума и генія раскроется въ его лексической сторонѣ, въ значеніи словъ и реченій. Сперва первое, потомъ второе.

Русскій языкъ пользуется совершенно свободнымъ расположеніемъ

³⁾ Потому то буквальные переводы съ одного языка на другой невозможны. Нельзя двухъ языковъ укладывать въ одну форму и опредѣлять по одной мѣрѣ. Съ другой однакожъ стороны нельзя не видѣть ихъ относительныхъ преимуществъ, нельзя не видѣть какой изъ нихъ богаче, гибче, какой живѣе и ошутительнѣе срастается съ мыслию.

⁴⁾ Какъ извѣстно, въ немъ почти нѣтъ ритмики, т. е. она проста и несложна до чрезвычайности.

словъ въ рѣчи, такъ что они могутъ служить за движеніями ума и мыслию писателя, такъ сказать, по ея путямъ, переставляясь и уклоняясь соответственно всѣмъ ея изгибамъ и уклоненіямъ. Особенности этой не имѣли языки Древніе, не имѣютъ и многіе изъ новѣйшихъ, какъ на примѣръ французскій. Нѣмецкому она свойственна въ мѣрѣ болѣе ограниченной, нежели русскому. При этой свободѣ однакожь есть нѣкоторыя правила (законами ихъ назвать нельзя), соблюденіе которыхъ, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, предпочтительно. Таковы на примѣръ *поставленіе управляющаго слова прежде управляемаго* (во французскомъ совершенно на оборотъ⁵⁾, *непосредственное примыканіе всего опредѣляющаго, дополняющаго и объясняющаго къ числительнымъ, предложеніямъ дополняемымъ, опредѣляемымъ и объясняемымъ*, что въ Нѣмецкомъ на примѣръ не такъ необходимо, а въ языкахъ Древнихъ и тѣмъ менѣе. Во французскомъ же это не такъ очевидно, какъ у насъ, потому что тамъ система причастій не развита въ такой мѣрѣ, какъ въ языкѣ нашемъ. Наконецъ *третье* свойство языка русскаго въ расположеніи словъ въ рѣчи состоитъ въ томъ, что конечно ни одинъ изъ языковъ современной Европы не владѣетъ *съ такою силою и гибкостью, какъ онъ, рѣчью равно періодической, какъ и отрывистою*. Нѣмецкій склоненъ болѣе къ періодамъ, къ этой совокупной формѣ выраженія, которая смыкается сама въ себя, сосредоточивается въ своей сложности, подобно тому какъ и мышленіе германское и философія и наука Нѣмцевъ есть особый, отвлеченный міръ, хотя вѣрный дѣйствительности, но уносящій ее въ область умозрѣнія и перестраивающій ее тамъ со своей особой теоретической точки зрѣнія. Французскій не ловко укладывается въ періоды и форму предложенія предпочитаетъ формѣ періода. Языки Древле-классическіе рѣшительно

⁵⁾ Точно также большая часть именъ, которая въ русскомъ языкѣ имѣютъ мужской родъ, суть во французскомъ рода женскаго и на оборотъ. Фактъ замѣчательный, свидѣтельствующій, кажется, о различномъ взглядѣ на предметы міра внѣшняго.

болѣе склонны къ рѣчи періодической. Только русскій, разумѣется по нуждѣ и надобности, съ равной свободою употребляетъ то ту, то другую форму выраженія. Потому-то рѣчь его есть «соразмѣренная» по преимуществу. Мысль и ея выраженіе срастаются въ немъ въ живой, гибкій организмъ, полный движенія и сочувствія уму. Возразятъ, что это находимъ мы во всѣхъ языкахъ. Такъ, но рѣдко гдѣ въ такой мѣрѣ, какъ въ русскомъ. Въ нѣмецкой рѣчи на примѣръ преобладаетъ идеальная сторона мышленія, во французской — сторона выраженія. Вотъ почему въ нѣмецкую рѣчь такъ свободно входятъ слова чужеземныя (припомните на примѣръ все, что писали Пюклеръ-Мюскау и Г-жа Ганъ-Ганъ); а во французскомъ подобныя вторженія суть дѣло неслыханное. Русскій принимаетъ ихъ, но непремѣнно пересоздаетъ.

Таковы три отличительныя черты въ словотеченіи русской рѣчи. Какой же характеръ сообщаютъ они ей? *характеръ естественности* и какой то художественной, *пластической опредѣленности и ясности*. Повторяемъ, всякій языкъ способенъ приближаться къ этому, но ни одинъ въ такой мѣрѣ, какъ нашъ отечественный. Сознать это можемъ только мы сами Русскіе, потому что иностранные языки всѣмъ намъ извѣстны въ болѣе или меньшей мѣрѣ, а русскій Западно-европейцамъ совсѣмъ нѣтъ.

Образованіе именъ и глаголовъ въ языкѣ нашемъ разнообразно и своенравно до того, что трудно теоріи уловить это образованіе. *Имена и глаголы образуются у насъ изъ всѣхъ прочихъ частей рѣчи*. Припомнимъ слова: *самость, ахать, улучшать, переименовать, учащать, усвоить, двоить, троить, сквозить, близить, улучшать, околичность, опричникъ и множество другихъ*. *Отсутствіе членовъ для означенія родовъ и надежей* свидѣтельствуетъ, что измѣненія именъ въ этихъ случаяхъ совершаются въ немъ *органически*, т. е. что имена, если позволено такъ выразиться, живутъ и дышатъ въ немъ этими измѣненіями. *Лишній надежъ* увеличиваетъ его разнообразіе и богатство. *Опущеніе вспомогательнаго глагола* (есть, est, is), въ составѣ простыхъ предложеній

увеличиваетъ его силу, которая при этомъ живо и осязательно выражается въ употребленіи прилагательныхъ сказуемыхъ. Усѣченія окончаній не имѣетъ ни одинъ европейскій языкъ, кромѣ развѣ нѣмецкаго въ нѣкоторой мѣрѣ, а это свойство сообщаетъ выраженію особую силу. Имена увеличительныя, уменьшительныя, ласкательныя способны выражать всѣ разнообразныя оттѣнки особаго, личнаго взгляда на предметы. Этими свойствамъ владѣютъ и другіе европейскіе языки, но не въ такой мѣрѣ, какъ русскій. Одинъ итальянскій превосходитъ его кажется въ этомъ отношеніи. Двойное склоненіе именъ, каковы: полени, Новгородъ, полтора и проч. не свидѣтельствуетъ ли о восприимчивости словъ, готовыхъ всячески измѣняться, чтобы только выразить изгибы мысли? Сходство винительнаго надежа съ именительнымъ и родительнымъ въ именахъ неодушевленныхъ и одушевленныхъ предметовъ, равно какъ и особенность именъ рода женскаго въ этомъ случаѣ, очевидно показываютъ, что языкъ нашъ живо проникается той мыслию, которую выражаетъ.

Важнѣйшая однакожъ стихія въ каждомъ языкѣ есть глаголь. Онъ выражаетъ предметъ не въ его отвлеченномъ, недвижномъ пребываніи, какъ созерцаетъ его мышленіе, но на противъ — его жизнь, бытіе и дѣйствіе. Притомъ въ измѣненіяхъ и изгибахъ глаголовъ важна не сторона качества, выражающая способъ дѣйствія (залогъ), потому что этотъ способъ дѣйствія, бытія или состоянія выражается прямо самимъ значеніемъ даннаго глагола. Въ этихъ измѣненіяхъ важно напротивъ значеніе той мѣры, въ какой дѣйствіе исполняется: общимъ названіемъ дѣйствія, опредѣляющимъ его характеръ, эта мѣра еще не означается: для этого надобно видоизмѣнить это названіе (которое, какъ извѣстно, есть неокончателное склоненіе глагола), а это дѣлаемъ мы посредствомъ нашихъ видовъ. Для этого однакожъ нужна особая гибкость глаголовъ. О гибкости, разнообразіи и своенравіи русскихъ глаголовъ въ этомъ отношеніи распространяться намъ не за чѣмъ, да и нельзя. Извѣстно, что ни одинъ изъ европейскихъ языковъ не можетъ соперничать съ

нашимъ въ этомъ отношеніи. Припомните эту цѣпь глаголовъ, означающихъ дѣйствіе, которое всего чаще встрѣчается въ жизни, — идти, перейти, дойти, пройти, уйти, сойти, недойти, взойти, изойти, найти, произойти, съ соответственными имъ: ходить, находить и проходить (уже дѣйствительные глаголы, ибо таковъ въ обоихъ случаяхъ смыслъ самаго дѣйствія), доходить, проходить, уходить, сходить, недоходить, всходить, исходить, переходить, приходить, и съ происходящими отъ нихъ: хаживать, расхаживать, (дохаживать, по смыслу дѣйствія нельзя — его и нѣтъ у насъ въ языкѣ), прохаживаться, ухаживать, (опять измѣненіе въ смыслѣ дѣйствія, а потому и въ значеніи глагола). «Исхаживать» неупотребительно опять, потому что эта форма дѣйствія и въ самой природѣ вещей рѣдко имѣетъ мѣсто. Глаголовъ же «происхаживать, схаживать, всхаживать» совсѣмъ нѣтъ, потому что дѣйствіе, которое могли бы они собою означать, слишкомъ условно ⁶⁾. Замѣтимъ еще, что изъ всѣхъ ново-европейскихъ языковъ въ одномъ русскомъ есть причастія будущаго времени, каковы: «скажущій, сдѣлающій, призовущій, напишущій, должный, придущій и проч.» Ихъ не употребляютъ, но они есть ⁷⁾. Намъ нельзя однакожъ распространяться о гибкости русскихъ глаголовъ въ означеніи мѣры дѣйствія, потому во первыхъ, что не смотря на болѣе или менѣе удачныя теоріи грамматиковъ нашихъ, все еще системѣ ихъ не достаетъ окончательной полноты и очевидности

⁶⁾ Эти небольшія отрицательныя приѣмы мы привели именно съ тѣмъ, чтобы убѣдить нѣкоторыхъ изъ живущихъ у насъ иноплеменниковъ, что виды нашихъ глаголовъ совсѣмъ не произволь и натяжна теоретическіе. Напротивъ сіи послѣдніе еще довольно далеки отъ того, чтобы окончательно опредѣлить истину этихъ видовъ.

⁷⁾ Полагаемъ, что причастія въ языкѣ нашемъ развились преимущественно подъ вліяніемъ церковно-славянскаго языка. Отъ того и встрѣчаемъ мы ихъ только въ книжномъ употребленіи: въ устахъ народа ихъ нѣтъ. Если же такъ образомъ получили начало свое причастія настоящаго и прошедшаго времени, то нѣтъ никакой причины не ввести и причастій будущаго времени. Какъ прекрасно сказалъ Пушкинъ:

Опъ должный быть отцѣмъ и другомъ
Цѣвннпой дочери своей.

сознанія, а во вторыхъ, потому что слово наше имѣетъ свои предѣлы. Какъ бы то ни было, вообще въ устройствѣ нашихъ глаголовъ нельзя не видѣть, какъ далеко умъ народа русскаго проникъ во вѣобразное (предметное, объективное, подлежательное, — какъ угодно) бытіе предметовъ. Слѣдуетъ однакожь вывести заключеніе. Характеръ русской рѣчи, въ отношеніи къ словообразованію, заключается въ могучей свободѣ и легкости этого образованія, равно какъ и въ живомъ и вѣрномъ соотвѣтствіи именъ и глаголовъ съ явленіями самой природы.

Теперь — лексическая сторона языка русскаго. Тутъ глубина и вѣрность его философіи еще очевиднѣе, потому что проявляется не въ свойствахъ и характерѣ рѣчи, а въ *смыслѣ и значеніи словъ*, непосредственно выражающихъ понятія и помыслы ума. Реченія и слова въ каждомъ языкѣ почти безчисленны, а потому въ настоящемъ случаѣ мы должны сдѣлать выборъ, и тѣмъ ограничить предѣлы своего изложенія. Мы изберемъ, какъ впрочемъ и слѣдуетъ, въ языкѣ русскомъ во первыхъ сферу тѣхъ словъ, которыя относятся къ *умственной мѣрѣ чловѣка*, и потомъ во вторыхъ нѣкоторыя изъ словъ, относящихся къ другимъ сферамъ, но такимъ, которыя выражаютъ общую и слѣдовательно идеальную сторону въ бытіи предметовъ. Въ словахъ этого рода, разумѣется, наиболѣе высказывается мудрость языка.

Достойно замѣчанія, что дѣятельность разумѣнія чловѣческаго, во всемъ своемъ развѣтвленіи, опредѣляется въ языкѣ нашемъ съ совершенной полнотою и очевидной вѣрностію, какъ, можно сказать, ни въ какомъ другомъ европейскомъ. Система реченій этого рода у насъ сама въ себѣ содержитъ полную схему любомудрія и психологіи, безъ всякихъ усилій и натяжекъ со стороны теоріи. Чтобы понять организмъ умствованія, стоитъ только уразумѣть смыслъ отдѣльных реченій, къ нему относящихся въ нашемъ языкѣ, — взаимоотношеніе и связь умственныхъ силъ прояснятся сами собою. Вотъ рядъ этихъ словъ въ соотвѣтствіе съ силами и развитіемъ самого мышленія: *чутье*

(инстинктъ), какъ первое направленіе къ различенію предметовъ путемъ, лишеннымъ всякаго сознанія; *смыслъ*, какъ первоначальное пробужденіе разума въ сознаніи, лишенное впрочемъ самосознанія; *разумъ* — коренная сила сознанія и мышленія (все что носитъ названіе чловѣка — разумно); отъ смысла истекають двѣ силы: *здравый смыслъ*, тоже что разумъ, достигшій зрѣлости, и *смышленность*, когда разумъ, разлагая явленія и приходя въ затрудненіе по ихъ запутанности, принужденъ догадываться, смекать. Отъ разума, какъ отъ общей силы разумѣнія, истекають двѣ новыя силы духа: *умъ*, какъ высшее направленіе того же разума къ наукѣ и познанію, и *разсудокъ*, какъ направленіе его къ практической дѣятельности въ жизни. Очевидна теоретическая разница въ значеніи словъ: разумный, умный, разсудительный. Какъ просто и общепонятно разграничены и опредѣлены во всемъ этомъ дѣйствія и силы мыслящаго духа нашего. Можемъ ли тоже сказать о соотвѣтственныхъ этимъ реченіямъ словахъ на примѣръ французскихъ? Они неопредѣленны и недостаточны: *la raison, le bon sens, l'esprit* не выражаютъ еще всѣхъ силъ или направленій разумнаго духа нашего; при томъ же первое и третье изъ этихъ словъ имѣють нѣсколько другихъ значеній. Въ словахъ же *intelligence, entendement* не ясно различають силы умственной дѣятельности отъ самой этой дѣятельности, какъ это и находимъ мы у лучшихъ мыслителей французскихъ Ройе-Колара, Кузеня и другихъ. Иное у насъ: разумъ и разумѣніе, умъ и умствованіе.

Нельзя по истинѣ не удивляться глубокомыслию съ какимъ составлены гениемъ народа нашего слова: разумъ, умъ и разсудокъ, при всей ихъ видимой простотѣ. Умъ — очевидно коренное слово; разумъ — производное отъ него; но въ значеніи, которое придано этимъ словамъ, умъ происходитъ отъ разума и есть только высшая его степень. Отъ чего же это? отъ того, что высшая, божеская сущность разумѣнія сама въ себѣ единична и отрѣшена отъ всего преходящаго, являющагося: таковъ умъ. Но таже сущность духа, переступая въ міръ явленій, ограничи-

вается въ своей дѣятельности, разлагаетъ, разбираетъ, дѣйствуетъ не отвлеченно, какъ въ теоріи и высшемъ познаніи, а аналитически, уразумѣемъ; это — *разумъ*. Что однакожь въ развитіи мыслящей дѣятельности предшествуетъ? очевидно анализъ, уразумѣніе предшествуетъ синтезу, отвлеченію. Если позволено сказать, умъ дѣйствуетъ прежде какъ разумъ, а потомъ уже какъ умъ — собственно. Поелику же и умъ и разумъ суть одинъ и тотъ же духъ, только въ разныхъ степеняхъ дѣйствующій и согласно съ этимъ получающій разные названія, какъ дѣятель или сила, то мы можемъ сказать, что разумъ, въ развитіи мышленія, есть первая степень ума и даже, что сей послѣдній истекаетъ изъ него и есть не что иное, какъ его высшая сторона. Обоиимъ словамъ этимъ слѣдовательно смыслъ народа русскаго придавъ историческое значеніе, т. е. означилъ ими *степени* развитія духа нашего въ мышленіи, степени (или стороны пожалуй), кои такъ очевидно дополняются словомъ: *разсудокъ*. Русскій умъ понялъ, что коренную силу мышленія должно отличать отъ силы его, дѣйствующей въ высшемъ познаніи, какъ и отъ той, которая обнаруживается въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ жизни. Нѣмецкія *Verstand* и *Vernunft* объемлютъ мыслящую дѣятельность духа совсѣмъ съ другой стороны. Они объемлютъ ее не со стороны ея развитія, а въ ея построеніи, въ ея первоначальныхъ *способахъ*, какъ силу сужденія и силу умозаключенія. Вотъ почему въ нѣмецкомъ языкѣ только два слова для означенія дѣятельности мысли, а въ русскомъ три. Тамъ теоретическая точка зрѣнія; здѣсь — историческая. Не указываетъ ли это при томъ и на различіе въ первоначальномъ, умственномъ образованіи двухъ народовъ.

Далѣе, какъ вѣрно и во всѣхъ отгѣнкахъ уловилъ геній языка нашего разныя стороны въ дѣйствіи самой мысли! Разберите что такое: разумѣніе, уразумѣніе, мышленіе, размышленіе, смеканіе, пониманіе, сужденіе, обсуживаніе, умозрѣніе, отвлеченіе, знаніе, познаніе, познаваніе, вѣденіе. Всѣ эти слова столь же очевидны въ своемъ значеніи, потому

что говорятъ сами за себя. Ими рѣзко и въ точности опредѣляются тончайшіе изгибы нашей мыслящей силы въ ея дѣятельности. Прибавимъ къ этому слова: истина, въ теоретическомъ значеніи, правда въ практическомъ, истинность, какъ свойство нашей мысли. Всѣ они находятъ одно только соответственное себѣ слово въ языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ, *la vérité, die Wahrheit (le vrai, das Wahre* — истинное). Сюда же должно отнести: истость съ болѣе употребительнымъ производнымъ: истый, тоже что нѣмецкое *echt*.

Слова, выражающія идею правоты нравственной и юридической, въ языкѣ нашемъ опредѣлены съ удивительной точностію. Вотъ они: законность, какъ общее удовлетвореніе какому либо закону нравственному или юридическому, справедливость, *Billigkeit* т. е. отступленіе отъ закона юридическаго изъ уваженія къ закону нравственному, правомѣріе и правомѣрность — строгое соблюденіе закона положительнаго, юридическаго ⁸⁾, правосудіе есть уже законность судіи въ рѣшеніи дѣла; (отсюда: правосудный приговоръ, правомѣрный т. е. законный, согласный съ правомъ, поступокъ).

Въ словахъ, относящихся къ міру нравственному, таже полнота и точность въ опредѣленіи всѣхъ его сторонъ и отгѣнковъ. Таковы: благо, въ отвлеченномъ, теоретическомъ значеніи, благость, какъ свойство, и добро, въ практическомъ смыслѣ; доброта, добродѣтель; честь и доблесть, свое коренное слово, вполнѣ замѣняющее: героизмъ; смиренномудріе и цѣломудріе; дружба, дружество и пріязнь; родство и свойство; чествованіе, уваженіе и почтеніе; любовь, преданность и привязанность; хитрость, лукавство, коварство и вѣроломство; измѣна и предательство; обманъ и поддѣваніе; зло и нечестіе; развратъ и распутство; горестъ, грусть, тоска и печаль; упрекъ, коръ и укоризна; недоумѣніе, сомнѣніе, недовѣріе и другія.

⁸⁾ Собственно правомѣрный и юридическій суть одно и тоже. Только второе изъ нихъ, какъ терминъ науки, есть техническое и чужое, а первое составлено у себл.

Точно тоже должно сказать о словахъ, относящихся къ изящной дѣятельности духа и вообще къ міру искусствъ. Вотъ эти слова : творчество есть общая сила духа нашего творить въ наукѣ, искусствѣ и быту гражданскомъ, искусство, какъ творчество въ кругу изящнаго непосредственно, художество, какъ степень искусства, доступная и обыкновенному дарованію ⁹⁾, ремесло, какъ производство предметовъ полезныхъ безъ всякаго притязанія на изящество высшее. Слова, опредѣляющія самую идею изящнаго, суть : изящество, какъ общее въ отношеніи къ лѣпотѣ, изяществу высшему, божескому, — красотѣ, изяществу въ образѣ, въ спокойномъ пребываніи, и — прелести (граціи), изяществу въ игрѣ, въ движеніи. Замѣтимъ еще, что понятіе о юморѣ у насъ въ народѣ выражается своими : труна, трунить, трунило ¹⁰⁾.

Въ области естествовѣденія мы отличаемъ : естество и природу. Одно это послѣднее слово стоитъ многого. Во всѣхъ европейскихъ языкахъ оно означается словомъ натура, которое изгнано изъ нашего языка. Слово вещество также свое и замѣняетъ слово матерія ¹¹⁾, которое осталось у насъ только въ ограниченномъ, патологическомъ значеніи. Нѣмецкое *Stoff* ближе къ нашему слову : начало, но въ смыслѣ стихіи. Слово стихія есть греческое, но совершенно усвоено нами и замѣняетъ слово элементъ ¹²⁾. Какъ разнообразны и вмѣстѣ опредѣлительны слова : тяжесть, тяжесть, тяжеловатость, тяготины и тягота. Слова свѣтъ, свѣтозарный и свѣтоносный, отсвѣтъ, заря, озареніе, сіяніе,

⁹⁾ Художество ниже искусства по значенію ; по «искусственный» въ противоположность «естественному, природному», въ свою очередь ниже «художественнаго», которое показываетъ оконченность, полноту и совершенство во внѣшнемъ, техническомъ исполненіи произведенія изящнаго.

¹⁰⁾ Кто понимаетъ въ точности наши народные слова : труна и трунить, равно какъ и слово : юморъ, приводимое въ эстетикахъ, тотъ согласится съ нами и не пойдетъ въ словахъ нашихъ патажки.

¹¹⁾ Это замѣтилъ еще П. Калайдовичъ въ своемъ : Опытъ словаря русскихъ синонимовъ М. 1818.

¹²⁾ Начало — въ смыслѣ болѣе идеальномъ, стихія — вещественномъ.

мерцаніе, мельканіе, яркость, блескъ, отблескъ, лучъ, отлучъ, какъ вторая половина преломленнаго луча, выражаютъ всѣ самыя различныя стороны и дѣйствія той силы, которая животворитъ землю. Замѣтимъ при этомъ, ежели въ горахъ Германіи сверкаетъ стрѣлообразная *Blitz*, то у насъ на равнинахъ сіяетъ полная молнія. Подраженіе явленіямъ природы въ обоихъ языкахъ удивительное. Что сказать о томъ же разнообразіи и полнотѣ словъ, означающихъ явленія, относящіяся къ слуху, каковы : звукъ, зыкъ, шумъ, шорохъ, говоръ, отголосокъ (эхо), грохотъ, раскатъ грома, брякотня, стукъ, топотъ, крикъ, визгъ и множество другихъ.

Разсмотрѣвъ слова, выражающія главныя и такъ сказать коренныя и первоначальныя понятія въ мірѣ умственномъ, нравственномъ и изящномъ и въ области естествовѣденія мы находимъ, что языкъ русскій удивительно полонъ, разнообразенъ и опредѣлителенъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, находимъ, что силою своего генія, самъ собою, своими словами онъ разграничилъ и опредѣлилъ систему всѣхъ этихъ понятій. Философія народа нашего въ языкѣ его становится для насъ понятной. Пусть назовутъ слово наше панегирикомъ языку русскому; мы не боимся этого обвиненія : правота дѣла на нашей сторонѣ. Можно сказать утвердительно, что изъ всѣхъ европейскихъ языковъ только нѣмецкому и русскому досталось въ удѣлъ свое собственное, самобытное и непосредственное пониманіе и опредѣленіе явленій природы и міра нравственнаго. Ежели же обратимся къ философіи исторіи, то найдемъ и разгадку этого явленія. Народы югозападной Европы, племена романскія, призваны были къ тому, чтобы воспринять и претворить въ себя образованіе древле-классическаго міра : отъ того-то практической Римъ въ языкѣ своемъ и преподалъ имъ всѣ свои первоначальныя понятія и постиженія ¹³⁾. Народамъ германскимъ

¹³⁾ Замѣтилъ въ оправданіе свое, что Данте, Гассъ и Аріостъ велики, какъ представители своихъ эпохъ; но умственные и особенно нравственные начала Христіанской Европы не высказались въ нихъ съ такою полнотою и ясностію, какъ въ Шекспирѣ и Гете. Въ поэтахъ Италіи

суждено было уже создать самобытный мир поэзии и науки: въ соответствии этому и языкъ нѣмецкій своеобразенъ и глубокъ въ высокой степени. Въ англійскомъ — слова, выражающія основныя понятія изъ міра нравственнаго и общественной жизни, имѣютъ германскіе корни ¹⁴⁾. Наша исторія и нашъ языкъ указываютъ на то, что въ этой чредѣ образованій призванъ возсоздать со своей національной точки зрѣнія идеалы прекраснаго и истиннаго и дать однимъ изъ нихъ новый видъ, а другимъ новое приложеніе. И опять видимъ мы тутъ, въ какой мѣрѣ языкъ есть первый органъ духовной жизни народа.

Переходимъ теперь къ словамъ западно-европейскимъ въ языкѣ русскомъ. Наше сближеніе съ западной Европой, которое началось съ первыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, есть дѣло совсѣмъ не случайное, не произвольное. Это — сближеніе жизненное и необходимое, которое имѣетъ свое глубокое, историческое основаніе. Оно знаменуетъ собою передачу успѣховъ обще-человѣческой образованности изъ рукъ въ руки. Чужеземцы, современники Петра Великаго, смотрѣли на него уже не какъ на простаго подражателя; но только въ наше время видимъ мы всю великость дѣла его. Понятно, что принявъ виѣшнія формы западно-европейской образованности, равно какъ и результаты ея успѣховъ въ наукахъ и искусствахъ, мы должны были усвоить и нѣкоторыя слова, относящіяся къ понятіямъ и предметамъ нами заимствованнымъ. Эти заимствованныя слова мы должны однакожь раздѣлить на два отдѣла. Къ первому необходимо отнести слова и выраженія, составляющія въ языкѣ нашемъ наслѣдіе классической Древности, полученное нами чрезъ

только зародышъ этихъ началъ. Указываемъ на разницу въ характерахъ Клотильды и Ангелики съ одной, и Офелии и Гретхенъ съ другой стороны. Беатриса Данта есть образъ чисто символическій.

¹⁴⁾ Такъ, на примѣръ, нѣмецкое *Geist*, въ смыслѣ спирта, выражается англійскимъ *spirit*, а въ смыслѣ духа, души словомъ: *ghost*. Таковы же англійскія слова: *understanding* — *Verstand*, разумъ, *soul* — *Seele*, душа, *love* — *Liebe*, любовь, (но привязанность — уже французское *affection*, только произносимое иначе), *friendship* — *Freundschaft*, дружба и другія, германскіе корни конхъ очевидны.

посредство Византіи и Запада. Ко второму отдѣлу сами собою переходятъ слова собственно западно-европейскія въ языкѣ нашемъ. При сихъ то послѣднихъ словахъ должны мы показать какія стороны жизни опредѣляютъ они собою.

Сфера реченій, которую наслѣдовали мы отъ классической Древности, преподавшей Христіанской Европѣ первые уроки въ любознательности и искусствѣ, составляетъ достояніе общее всѣмъ европейскимъ языкамъ. Эти слова, какъ выраженія понятій данныхъ, получившихъ техническое значеніе, приобрѣли полное право гражданства въ наукѣ, по мѣрѣ того, какъ она составляетъ достояніе всего человѣчества. Таковы слова: теорія, исторія, критика, геологія, геогонія, космогонія, философія, физика, химія, грамматика, реторика и проч. и проч. Таковы еще слова гений ¹⁵⁾ и идея ¹⁶⁾, хотя сіе послѣднее у насъ во многихъ случаяхъ можетъ быть замѣнено словомъ помысль. Замѣтимъ при этомъ, что слово талантъ, и безъ того уже какъ то не согласное съ русскимъ ухомъ ¹⁷⁾, значитъ совершенно тоже, что дарованіе. И талантъ, и дарованіе равно означаютъ способность подражать, исполнять (какъ на примѣръ въ музыкѣ) или сочинять свое, но не отличающееся высокой самобытностію, въ противоположность гению, способности творить новое и самобытное. Какъ между творчествомъ и подражаніемъ нѣтъ ничего средняго, такъ нѣтъ его и между гениемъ и дарованіемъ. Подраздѣленія же того и другаго вышли бы безконечны. Распространяться однакожь о реченіяхъ этой

¹⁵⁾ Гений есть слово греческое отъ *γεννω*, *γενω*, *γεννω* — рождаю и означало у Древнихъ божество, которое присутствовало при роженіи каждаго человѣка и сопровождало и хранило его во всю жизнь. Идеаль этотъ, соединенный свѣтлою фантазіей греческой, заключаетъ въ себѣ нѣчто близкое къ сердцу каждаго человѣка, нѣчто такое, во что онъ по неволѣ вѣритъ. Новѣйшіе народы отнесли слово гений къ силѣ врожденнаго творчества, которая все таки человѣку кажется чѣмъ то необыкновеннымъ, сверхъестественнымъ.

¹⁶⁾ *Ideā* — провиданіе души, образъ или представленіе вещи въ умѣ, отъ *ἴδω* — вижу и знаю, ибо посредствомъ идеи разумъ нашъ созерцаетъ и познаетъ вещи.

¹⁷⁾ Въ ипродѣ говорятъ просто талантъ, въ смыслѣ удача, счастья.

сферы и втъ надобности, потому во первыхъ, что она извѣстна, ограничена и не допускаетъ гласательно себя никакихъ преній, а во вторыхъ потому что имѣетъ свое историческое, вселовѣческое значеніе.

Точно такое же строгое разграниченіе должны мы сдѣлать между словами западно-европейскими собственно въ языкѣ нашемъ. Только въ этомъ случаѣ законность и важность ихъ отдѣляются для насъ совершенно понятными. Тутъ, какъ извѣстно, множество словъ относится во первыхъ — къ мореходству и кораблестроенію, во вторыхъ — къ дѣлу военному и воинскому, каковы : армія, батальонъ, эскадронъ, аванпостъ, арріергардъ, авангардъ, эшелонъ, пикетъ, бастіонъ, солдатъ, офицеръ, генералъ и проч.; въ третьихъ — къ частной жизни и домашнему быту, каковы : кучеръ, лакей, фракъ, сюртукъ, троттуаръ, шоссе, шлагбаумъ, балконъ, навильонъ и проч.; въ четвертыхъ — къ быту гражданскому и ученому, каковы : публика, министерство, коллегія, департаментъ, карантинъ, губернія, полиція, университетъ, гимназія, академикъ, профессоръ, классъ и проч.¹⁸⁾ Въ строгомъ смыслѣ въ этихъ четырехъ отдѣлахъ заключаются всѣ слова этого рода въ языкѣ нашемъ. Появленіе ихъ въ немъ объясняется причинами, показанными выше и нисколько не предосудительными для него. Всѣ они относятся не къ внутреннимъ и задушевнымъ понятіямъ и чувствамъ, — что показало бы бѣдность и ума и сердца, — но къ внѣшнимъ явленіямъ и сторонамъ жизни и образованности, въ которой служимъ мы точно такими же наслѣдниками Запада, какъ древняя Греція наслѣдовала образованность первобытнаго Востока, Римъ гражданственность и образованность Греціи, и Западъ тоже самое наслѣдовалъ отъ Рима. Повторяемъ принятіе всѣхъ этихъ словъ нисколько не унижительно для народнаго самолюбія : они не относятся къ первымъ и необходимымъ движеніямъ ума и сердца,

¹⁸⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ словъ имѣютъ древніе корни, но перешли къ намъ съ Запада.

которыя, какъ показали мы выше сего, находятъ для себя въ языкѣ нашемъ выраженіе самое разностороннее и притомъ болѣе полное нежели въ какомъ либо другомъ языкѣ европейскомъ, исключая нѣмецкій, который одинъ можетъ соперничать съ нашимъ и то отчасти въ этомъ отношеніи. Оставаиваться слѣдовательно на словахъ этого рода намъ не за чѣмъ. Напротивъ мы должны обратить вниманіе на тѣ изъ западно-европейскихъ словъ въ языкѣ нашемъ, которыя имѣютъ болѣе важное значеніе и которыхъ и нельзя, и не къ чему замѣнять. Таковы на примѣръ слова : эгоистъ, національный, которое означаетъ не всегда то же, что и народный, мода, конечно не то что обычай, фактъ, дилетантъ, не советъ то же что любитель, фейерверкъ, премія, не то же что и награда, увертюра, театральная пьеса и другія. Слова эти замѣняются у насъ своими только съ нѣкоторою натяжкой. Такимъ образомъ слово фактъ пытались у насъ замѣнить словомъ : быть, но это послѣднее реченіе какъ то неловко и не вошло въ употребленіе. Пока однакожь не придумано своего лучшаго, пусть оно остается ; свое же хорошее конечно предпочтительнѣе чужаго столь же хорошаго. Сюда же относятся и еще нѣсколько словъ, которыхъ мы не приводимъ здѣсь, именно потому что предѣлы слова не позволяютъ этого.

Зато есть много такихъ словъ, которыя, относясь къ дѣлу науки и искусства, не только чужды языку русскому, но и излишни. Должно замѣтить еще, что употребленіе ихъ по большей части произвольно и зависитъ отъ личнаго образа мыслей и еще болѣе отъ образованія самого пишущаго. Потому опять всѣхъ ихъ не числить и перебрать здѣсь мы не можемъ, да и не за чѣмъ : должно надѣяться, что успѣхи самобытной, отечественной учености раздѣлятъ ихъ мало по малу, какъ вещь совершенно ненужную и лишнюю. Быть не можетъ при томъ, чтобы и голосъ самоуваженія и любви къ своему родному и самое дѣло наконецъ не одержали побѣды надъ тѣмъ направленіемъ, которое дорожитъ блестящими и мишурой выраженія и мыслей, а недостаткомъ конечно чего

либо другаго, болѣе существеннаго. Ограничимся словами : цивилизація, прогрессъ, наивный и реформа наиболѣе употребительными.

Слово : цивилизація, какъ извѣстно происходитъ отъ *civis, civitas*. Первый пустилъ его въ ходъ и во всеобщее употребленіе Гизо своимъ сочиненіемъ *Histoire générale de la civilisation en Europe* (P. 1828). До него хотя и знали и употребляли его, но оно не было въ такой модѣ. Что выражаетъ собою слово цивилизація? отвѣчаетъ возможно ближе къ сущности дѣла : это — тѣ политическія и гражданственныя, или государственныя и общественныя формы, которыя какой либо народъ воспринялъ въ своемъ историческомъ развитіи и въ концѣ оныхъ какъ бы установился. Таково ближайшее и болѣе ограниченное значеніе слова цивилизація. Въ смыслъ болѣе обширномъ оно означаетъ всѣ вообще успѣхи и приобретенія, какія извѣстный народъ сдѣлалъ въ области наукъ, искусствъ, промышленности и вообще въ просвѣщеніи. Понятно впрочемъ, что эти успѣхи и приобретенія предполагаютъ собою устройство общественное, гражданское и какое либо политическое значеніе. Потому то оба эти значенія весьма приличны слову цивилизація. Но слово это въ языкѣ нашемъ есть чужое; мало того : пять тонкихъ согласныхъ (*ц, в, л, з, и*), и четыре раза повторенная буква *и* какъ то оскорбляютъ русское ухо, предпочитающее, какъ извѣстно, всегда звуки полногласные. При томъ для человѣка мало посвященнаго въ тайны науки оно и не совсѣмъ понятно. Словомъ, выраженіе цивилизація есть ученый терминъ. Кажется не худо замѣнить его живымъ русскимъ словомъ, тѣмъ болѣе что богатый языкъ нашъ предупреждаетъ насъ въ этомъ случаѣ. Въ полное соотвѣтствіе двумъ вышеозначеннымъ значеніямъ слова цивилизація, — значеніямъ, кои по мнѣнію нашему не подлежатъ оспариванію, — у насъ есть два слова : гражданственность, какъ тотъ характеръ, тотъ способъ и образъ, въ коемъ установились виѣшнія гражданскія формы народа, и образованность, какъ извѣстный характеръ его умственнаго, художественнаго и промышленнаго образованія и быта.

Слово образованность имѣетъ значеніе довольно общее (именно, какъ совокупность извѣстныхъ формъ образованія); а потому можетъ отнесено быть и къ цѣлому народу, и къ отдѣльному лицу. Слово же гражданственность, имѣя одинъ и тотъ же корень со словомъ цивилизація (*civitas* — гражданство) совершенно замѣняетъ его собою въ тѣснѣйшемъ, показанномъ выше его значеніи. Надобно признаться, что слово цивилизація, какъ чужеземное, имѣетъ менѣе опредѣленности, нежели русскія : гражданственность и образованность, а потому представляетъ болѣе свободы, произвола и удобства въ употребленіи своемъ. Самъ Гизо едва ли со всей строгостію сознавалъ что разумѣлъ онъ подъ словомъ *civilisation* : гражданственность ли въ частности, или образованность вообще. По нашему мнѣнію замѣненіе слова цивилизація — смотря разумѣется по двоякому смыслу его и потому какое именно изъ двухъ понятій разумѣемъ мы подъ нимъ, — двумя русскими словами, означенными выше, выгодно для самобытнаго и болѣе опредѣленнаго взгляда на общественную жизнь, выгодно для самого дѣла, для науки. Въ словѣ же цивилизація болѣе неопредѣленности, а потому болѣе возможности съ одной стороны скрыть неточность мысли, а съ другой блеснуть щеголеватымъ словомъ.

Что касается слова прогрессъ, то по прямому, здравому смыслу, на всѣхъ европейскихъ языкахъ оно значитъ успѣхъ (*Fortgang, Fortschritt*). Кажется и спорить бы не о чемъ, а просто употреблять свое слово вмѣсто чужаго. Но нѣкоторые у насъ хотятъ разумѣть подъ нимъ тоже что «степень развитія», присовокупляя что въ этомъ значеніи слово прогрессъ можетъ означать и не-успѣхъ. Подобная натяжка однакожъ въ значеніи слова, и къ тому же еще не своего, а чужаго, а слѣдовательно не всякому со всей очевидностію понятнаго, не идетъ : и французы, хоть не совсѣмъ правильно, говорятъ *progrès de développement* и нѣмцы гораздо вѣрнѣе *ein Grad der Entwicklung*, въ совершенное соотвѣтствіе нашему выраженію : степень развитія.

Замѣтимъ, что точно также столь охотно многими употребляемое слово: наивный очевидно и въ точности значитъ тоже, что и простодушный¹⁹⁾.

Что сказать о словѣ реформа? Буквально и въ точности переводится оно русскимъ: преобразование и трудно дать этому слову какое либо другое значеніе²⁰⁾.

Не упоминаемъ о множествѣ иностранныхъ словъ безъ всякой нужды употребляемыхъ въ языкѣ нашемъ. Таковы: кризисъ (переломъ или переворотъ — смотря по смыслу), манускриптъ, эскизъ, войяжъ²¹⁾, претензія (притязаніе), мораль (правственность), феноменъ (явленіе), руины, резонъ, интересъ (выгода), спектакль (зрѣлище или представленіе), принципы (начала), продукты (произведенія), коллизія (столкновеніе), экспрессія (выраженіе), манеръ (способъ, манерность въ художествахъ и дѣло другое), сатисфакція (удовлетвореніе), викторія, баталія, репутация (извѣстность) и многія другія²²⁾.

Слова эти мало по малу и сами собою выходятъ изъ употребленія, какъ вышелъ изъ него: променада, увражъ, авантажъ, сюжетъ, приводимыя теперь развѣ въ шутку. Но что нужды? пусть тѣ изъ нихъ, которыя менѣе оскорбляютъ смыслъ народной рѣчи нашей остаются въ ней, какъ излишній, но не тяжелый грузъ. Самопроизвольному разви-

¹⁹⁾ Развѣ не тоже: «какъ онъ наивенъ» и «какъ онъ простодушенъ»? Но русскій умъ подымитъ опять особую болѣе чувствительную сторону простодушія. Это простосердечіе.

²⁰⁾ Замѣтимъ въ явѣе оправданіе свое, что словъ цивилизація, реформа и прогрессъ нѣтъ и въ словарѣ церковно-славянскаго и русскаго языка, изданномъ отъ академіи наукъ въ началѣ нынѣшняго года.

²¹⁾ Слово путешествіе и слишкомъ длинно, и не отличается особенной ловкостію состава, каково на примѣръ слово предметъ, а вошло же по всеобщее употребленіе.

²²⁾ Въ 49 № на стр. 39 Московскихъ вѣдомостей за этотъ годъ встрѣтили мы два выраженія, принадлежащія собственно Владимірскимъ и Ярославскимъ губернскимъ вѣдомостямъ. Выраженія эти суть: «на темно-голубомъ фонѣ неба» (не лучше ли просто: на темно-голубой поверхности неба или хоть, какъ ни странно, на темно-голубомъ полѣ неба, или какъ пибудь иначе?) и другое: «Воля два раза уже пробовала (пыталась) двинуться.»

тію народнаго ума въ народномъ словѣ они ни сколько не мѣшаютъ. Есть понятія и открытія, которыя восприняты нами отъ Запада, которымъ ничего соотвѣтственнаго, своего нѣтъ у насъ и которыя мы не можемъ отстранить отъ себя: пусть вмѣстѣ съ ними остаются и слова, какія на примѣръ привели мы въ началѣ. Но разборчивость въ отношеніи къ словамъ иноязычнымъ вообще необходима, а тѣмъ болѣе къ тѣмъ, которыя выражаютъ понятія изъ міра отвлеченнаго, духовнаго или нравственнаго. Корнями словъ и самими словами этого рода и самъ по себѣ богатъ языкъ нашъ²³⁾. Подобныя же имъ, чуждыя реченія, насильственно вторгаясь въ его святилище, оскорбляютъ его и затемняютъ смыслъ народнаго пониманія. Каждый народъ, какъ и каждый человѣкъ, долженъ и мыслить, и выражаться самостоятельно.

Многіе найдутъ можетъ быть въ словахъ нашихъ о русскомъ языкѣ преувеличенныя похвалы ему. Обвиненіе это едва ли справедливо, но сами судить о немъ мы не въ правѣ. Признаемся однакожъ, что рѣчь эта писана подъ вліяніемъ тѣхъ чувствъ, которыя при настоящихъ смутахъ въ западной Европѣ, не могутъ не возникать въ душѣ каждаго русскаго и которыя такъ вѣрно и прекрасно высказаны княземъ П. А. Вяземскимъ въ его стихотвореніи: Святая Русь. Кто не чувствуетъ вмѣстѣ съ поэтомъ и не повторяетъ словъ его:

Какъ въ эти дни години гнѣвной

Ты мнѣ вила, святая Русь!

Молитвой теплою, задушевною

Какъ за тебя въ тѣ дни молюсь!

* * *

Какъ дорожу моею любовью

И тѣмъ, что я твой сынъ родной!

Какъ сознаю душой и кровью

Что кровь твоя и духъ я твой!

²³⁾ Замѣчу для примѣра, какъ удачно придумано слово: предметъ, а оно вошло въ употребленіе едва ли ранѣе прошедшаго столѣтія.

Такимъ образомъ значеніе западно-европейской стихіи въ языкѣ нашемъ показано. Таково значеніе ея въ самой жизни нашей. Пора подражанія прошла. Мы будемъ жить своимъ умомъ и чувствомъ, своими силами, — и мы совершимъ свое призваніе въ судьбахъ человѣчества. Сколь ни молода наша образованность, мы сознали и высказали уже свои завѣтныя чувства и задушевные полеты фантазіи въ школахъ поэтовъ самообытныхъ, во главѣ своей имѣющихъ Пушкина. Конечно мы не можемъ сказать того же касательно философіи, наукъ естественныхъ, математическихъ. Вѣка и образованія предшествовавшія сдѣлали на этомъ полѣ знанія столько, что намъ прежде нежели двинуть общее дѣло впередъ, надлежитъ усвоить и переработать въ горнилахъ собственнаго ума и пониманія несмѣтные результаты древле-классической и западно-европейской мудрости. Въ этомъ отношеніи задача русской учености впереди. Эта задача, сколько соображенія разнаго рода данныхъ и общихъ результатовъ въ дѣлѣ учености, позволяютъ опредѣлить ее, состоитъ въ сближеніи, соглашеніи и возведеніи къ единству сознанія всѣхъ выводовъ, которыми человѣчество обязано созерцательному и трудолюбивому генію Германцевъ, практическому любознанию Англичанъ и фактическимъ — преимущественно изысканіямъ Французовъ. Прежде однакожъ — свое законодательство, своя исторія и свой языкъ. Этими то тремя важными задачами въ отношеніи къ своему отечеству занята современная русская ученость. По всѣмъ этимъ отраслямъ подвизается у насъ много ревностныхъ и даровитыхъ труженниковъ, такъ что дѣло народнаго самопознанія, этотъ залогъ всѣхъ будущихъ успѣховъ гражданственности и образованности, идетъ у насъ впередъ на началахъ прочныхъ, утвержденныхъ самимъ Правительствомъ. Въ этомъ отношеніи, позвольте мнѣ Мм. Гг. указать на три важнѣйшіе факта, принадлежащіе современному Царствованію и служащіе краеугольными камнями во всѣхъ изслѣдованіяхъ по тремъ вышеозначеннымъ отраслямъ ученаго труда. Это изданіе Полнаго собранія законовъ Россійской имперіи и еще болѣе Свода законовъ ея,

это во вторыхъ труды и изданія Археографической комиссіи, это наконецъ изданіе Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка, совершенное Академіею наукъ въ недавнее время. Таковы задачи и основные труды въ дѣлѣ народнаго самопознанія. Повторяемъ задача наша въ отношеніи къ обще-человѣческой мудрости еще въ будущемъ. Но и тутъ, на этомъ поприщѣ, мы находимъ вѣрное ручательство успѣховъ положительныхъ. Оно — въ языкѣ нашемъ, въ томъ, что «умный и бодрый» народъ нашъ, самъ собою, силою своего генія и первоначальнаго постиженія, созналъ въ языкѣ своемъ самыя высокія и отвлеченныя, умственные и нравственные стороны природы и жизни и выразилъ ихъ съ изумительной опредѣлительностію. Сѣмя это не можетъ не принести своихъ плодовъ. По этому самому великъ подвигъ Академіи нашей, которая словаремъ своимъ, изданнымъ съ такой тщательностію, привела въ сознаніе и съ точностію опредѣлила богатый родникъ народнаго слова. Какихъ слѣдствій, благихъ и прекрасныхъ не обѣщаетъ собою этотъ подвигъ, ею совершенный при одобрительномъ вниманіи Сановника, имя котораго въ летописяхъ нашего народнаго просвѣщенія и образованія будетъ вѣчно произносимо съ благоговѣйной благодарностію. Такъ, пора народнаго самопознанія, самоуваженія настала. И этотъ великій фактъ есть одинъ изъ прекраснѣйшихъ вѣнковъ царствованія Монарха, котораго отеческая заботливость о благѣ народа, самимъ Промысломъ Десницъ Его ввѣреннаго, производитъ то, что каждый истый русскій несетъ Ему привѣтъ сердца и титулъ Царя, Отца Отечества, какъ нѣкогда предки наши несли ихъ Пращуру Его, великому преобразователю Руси.

Уваров?

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

О СОСТОЯНІИ И ДѢЙСТВІЯХЪ РИШЕЛЬЕВСКАГО ЛИЦЕЯ,

съ 22 Іюня 1847 по 20 Іюня 1848 года.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

Мм. Гг. !

Оканчивая настоящимъ актомъ учебный годъ, мы имѣемъ честь представить благосклонному вниманію вашему краткій отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Ришельевского Лицея въ истекшемъ году.

Въ отчетахъ за прошедшіе годы мы постоянно обращали вниманіе ваше на движеніе дѣла о возведеніи новыхъ зданій для Ришельевского Лицея. Съ давняго времени оно составляетъ предметъ особой заботливости и мѣстныхъ Начальниковъ Одесскаго Учебнаго Округа, и Министерства Народнаго Просвѣщенія. Неудобство и недостаточность нынѣшняго помѣщенія и необходимость постройки новаго зданія, болѣе обширнаго, лучше приспособленнаго къ потребностямъ Лицея, съ каждымъ годомъ дѣлались ощутительнѣе.

Наконецъ въ нынѣшнемъ году сіе предположеніе приблизилось къ несомнѣнному и скорому осуществленію : Государь Императоръ соизволилъ Высочайше утвердить всеподданнѣйшій докладъ Министра Народнаго Просвѣщенія о постройкѣ Лицейскихъ зданій. Мѣсто, на которомъ будутъ возведены сіи зданія, пріобрѣтено Лицеємъ еще въ 1845 году покупкою у наследниковъ г. Комара и Полковника Энгельгардта.

Другая важная мѣра, состоявшаяся въ семь году, относилась къ умноженію средствъ нравственнаго надзора за Студентами Лицея.

По всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія Государь Императоръ, въ 5 день истекшаго Мая Высочайше

повелѣть соизволилъ : при Ришельевскомъ Лицеѣ опредѣлить втораго Помощника Инспектора и третьяго Педея съ тѣми же преимуществами въ отношеніи класса, пенсін и дичапра, которыя предоставлены таковымъ чиновникамъ при семъ заведеніи и съ производствомъ имъ содержанія изъ суммы вносимой Студентами Лицея за слушаніе лекцій : Помощнику Инспектора жалованья 430 рублей, разъѣздныхъ 90 рублей и на наемъ квартиры 90 рублей серебромъ въ годъ, и Педелю жалованья 150 рублей серебромъ въ годъ. Изъ той же суммы на разъѣзды Педелямъ дозволено употреблять до 100 рублей серебромъ въ годъ.

Устройство учебной части въ Лицеѣ соотвѣствовало вполнѣ утвержденному Министерствомъ плану. Перемены въ распредѣленіи учебныхъ курсовъ, предназначенныя въ 1846 году, большую частію тогда же были приведены въ дѣйствіе. Въ началѣ нынѣшняго академическаго года исполнены и остальные предположенія, а именно : преподаваніе Россійскаго Государственнаго Права введено во II-й курсъ Юридическаго отдѣленія, а Нравственной Философіи въ III-й курсъ Физико-Математическаго и Камеральнаго отдѣленій.

Начальство Лицея употребляло предоставленныя ему средства поощренія Студентовъ, отличающихся прилежаніемъ и благонаравіемъ, и при томъ неимѣющихъ достаточныхъ способовъ собственнаго содержанія. Назначенная одному Студенту стипендія изъ суммы сбора за слушаніе лекцій по 100 руб. сер. производилась и въ семъ году ; вновь назначена другому по 120 руб. сер. въ годъ ; оказано единовременное вспомошествованіе 19 Студентамъ совершенно недостаточнаго состоянія съ обращеніемъ на то 170 руб. сер. изъ суммы сбора за слушаніе лекцій, 152 руб. сер. изъ суммы вырученной изданіемъ Новороссійскаго Календаря.

Доходъ отъ издаваемаго при Лицеѣ Новороссійскаго Календаря, обращавшійся вообще на вспомошествованіе недостаточнымъ Студентамъ Лицея и ученикамъ Гимназіи, получилъ назначеніе болѣе опредѣлительное.

Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, по представленію Попечителя Округа, изъявилъ согласіе, чтобы на счетъ прибыльной суммы, выручаемой продажею Календаря, содержались въ Пансіонѣ при Лицейской Гимназіи одинъ или два Пансіонера съ обязанностями педагогическихъ воспитанниковъ, и чтобы назначеніе таковыхъ Пансіонеровъ преимущественно изъ дѣтей училищныхъ чиновниковъ предоставлено было редактору Календаря Профессору Лицея Михневичу, въ уваженіе безмездныхъ трудовъ его по сему изданію.

Управленіе частными учебными заведеніями въ городѣ Одессѣ получило новое устройство съ изданіемъ утвержденныхъ господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія Правилъ для руководства лицъ, содержащихъ частныя учебныя заведенія. Ближайшій надзоръ за ними возложенъ на членовъ Совѣта Лицея.

Занятія Совѣта.

Въ теченіе года Совѣтъ имѣлъ 19-ть обыкновенныхъ засѣданій. Кромѣ того составляемы были изъ среды онаго, подъ предсѣдательствомъ Помощника Попечителя, Комитеты для начертанія проектовъ по дѣламъ, требовавшимъ особеннаго соображенія, и для производства испытаній.

Кромѣ предметовъ, входящихъ на основаніи Устава въ кругъ занятій Совѣта, онъ занимался по предписанію г. Министра Народнаго Просвѣщенія а) обсужденіемъ проекта правилъ, для выпуска изъ Гимназій Учениковъ съ аттестатами двухъ родовъ : на право поступленія въ Университеты и Лицеи безъ вторичнаго испытанія, и на причисленіе ко 2 разряду по чиновному списку ; б) составленіемъ по предписанію г-на Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа Правилъ для руководства лицъ, содержащихъ Частныя Учебныя заведенія въ Одесскомъ Учебномъ Округѣ ; в) обсужденіемъ предположенія, касательно замѣщенія вакант-

ныхъ учительскихъ мѣстъ въ Гимназіяхъ и Уѣздныхъ Училищахъ лицами, окончившими курсъ наукъ въ высшихъ Учебныхъ заведеніяхъ.

Испытанію подвергались : на званіе Учителя Гимназіи — 1, Уѣзднаго Училища — 5. Изъ нихъ четверо удостоены искомаго званія, а двумъ отказано, по неудовлетворительности познаній. На званіе домашняго учителя подвергалось экзамену 6, и на исправленіе сей должности 4 человекъ; и всѣ удостоены полученія дипломовъ. На званіе домашней учительницы 5; изъ нихъ 4 удостоены сего званія, а одной отказано. Свидѣтельствъ на право обученія чтенію и письму на разныхъ языкахъ а также первымъ четыремъ дѣйствіямъ ариметики выдано 12.

Запятія Членовъ Лицея.

Помощникъ Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, начальствующій надъ Ришельевскимъ Лицеємъ, исправлялъ должность Попечителя, по случаю отсутствія Его Превосходительства изъ Одессы для обозрѣнія Учебныхъ заведеній Округа съ 8 Марта по 4 Апрѣля и съ 22 Апрѣля по 6 Мая 1848 года.

Испекторъ Лицея, Соколовъ, занимался изданіемъ Сельско-Хозяйственнаго журнала : «Записки Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи», написалъ статью для Новороссійскаго Календаря «о колоніяхъ Южнаго края Россіи», помѣщалъ различныя статьи въ газетѣ «Одесскій Вѣстникъ», занимался составленіемъ Систематическаго каталога бібліотеки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и участвовалъ въ трудахъ Редакціоннаго Комитета по изданію 2 тома Записокъ того же Общества.

Профессоръ Естественной Исторіи Нордманъ продолжалъ откапывать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новороссійскаго Края остатки допотопныхъ животныхъ, высшихъ классовъ. Изслѣдованія сіи сопровождались необыкновенными успѣхами. Окрестности Одессы изобилуютъ особенно

костями млекопитающихъ, какъ то : Мастодонта, Слопа, Носорога, Буйвола, Лошади, Оленя, Сайги, Гіены, Медвѣдя, Волка, Лисицы, Кошки, Бобра, Зайца, Слѣпца и нѣкоторыхъ родовъ рыбъ, виды которыхъ не встрѣчаются болѣе въ настоящей Фаунѣ. Профессоръ Нордманъ приготовляетъ по сему предмету сочиненіе, которое будетъ заключать выводы и данныя, заслуживающія особеннаго вниманія Палеонтологовъ и Геологовъ. Въ связи съ изслѣдованіемъ костеносящей почвы Нордманъ собиралъ окаменѣлости третичной формаціи, около Кишинева, въ Бессарабіи, для дополненія статьи по этому предмету Г. Алцида д'Орбиньи. По части Палеонтологіи, Профессоръ Нордманъ представилъ новую статью въ Академію Наукъ : «Über einen bisher noch nicht im fossilen Zustande gefundenen Knochen des vorweltlichen Bären».

На основаніи представленія Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія имѣлъ счастье доводить до Высочайшаго свѣдѣнія Его Императорскаго Величества о послѣдствіяхъ розысканій Профессора Нордмана объ ископаемыхъ остаткахъ допотопныхъ животныхъ. Государь Императоръ въ 22 день Августа прошлаго года Высочайше повелѣтъ соизволилъ : «въ вознагражденіе «поисанныхъ Профессоромъ Лицея Нордманомъ издержекъ, и въ «поощреніе къ дальнѣйшему изысканіямъ, выдать ему тысячу рублей «серебромъ, а предметы перевезть въ Зоологическое собраніе Академіи Наукъ».

Профессоръ Чистой Математики, Генрихъ Брунъ, помѣстилъ двѣ статьи : одну въ Bulletin de l'Académie des sciences à St. Pétersbourg, а другую въ иностранномъ журналѣ : Archiv der Mathematik v. Grunert.

Профессоръ Философіи Михневичъ занимался изданіемъ Новороссійскаго Календаря на 1848 годъ, участвовалъ въ трудахъ Редакціоннаго Комитета по изданію 2 тома Записокъ Общества Исторіи и Древностей, въ которомъ помѣстилъ статью Археологическаго содержания.

Профессоръ Русской Исторіи и Статистики Мурзакевичъ, кромѣ

исполненія должности Секретаря Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, занимался редакціей 2 тома Записокъ сего Общества и совершилъ въ вакаціонное время учебно, археологическую поѣздку къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря и на Кавказъ.

Профессоръ Русской Словесности Зеленецкій написалъ рѣчь о значеніи и судьбахъ Новороссійскаго края, произнесенную, въ Апрѣль мѣсяцѣ 1847 года, въ торжественномъ собраніи Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, помѣщалъ разныя статьи въ Одесскомъ Вѣстникѣ и въ Запискахъ Одесскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, и издалъ первый выпускъ своего учебно-литературнаго сборника, подъ заглавіемъ : «Альціона».

Профессоръ Всеобщей Исторіи и Статистики, Филиппъ Брунъ, написалъ статью о Торговлѣ въ Новороссійскомъ Краѣ и Бессарабіи для помѣщенія во 2 томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Профессоръ Римской Словесности Беккеръ занимался изъясненіемъ Латинско-Греческой надписи, относящейся къ городу Тирасу и содержащей въ себѣ два Императорскіе рескрипта.

Профессоръ Богословія, Протоіерей Павловскій, напечаталъ двѣ проповѣди : одну съ дозволенія Кіевской Духовной Ценсуры, а другую С. Петербургской.

Профессоръ Практическаго судопроизводства Линовскій написалъ изслѣдованіе началъ Уголовнаго Права, изложенныхъ въ уложеніи Царя Алексѣя Михайловича. Сочиненіе сіе удостоено Императорскою Академією Наукъ почетнаго отзыва. Сверхъ того помѣстилъ статью въ Запискахъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи.

Профессоръ Прикладной Математики, Петровскій, помѣщалъ ежемесячно статьи въ Запискахъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи.

Профессоръ Химіи Гассгагенъ занимался метеорологическими наблюденіями, для періодическихъ статей, которыя были помѣщаемы

въ Запискахъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, и въ Journal d'Odessa.

Адъюнктъ Государственнаго Права Комарницкій написалъ для напечатанія въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія разсужденіе «о значеніи Княжеской власти въ первомъ періодѣ Русской Исторіи».

Лекторъ Французскаго языка Шаполлонъ издалъ въ свѣтъ собраніе своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ : «Souvenirs».

Лекторъ Нѣмецкаго языка Эртель занимался изданіемъ Руководства къ практическому преподаванію Нѣмецкаго языка.

Сверхъ того, по случаю увольненія исправлявшаго должность Адъюнкта Михайлова сперва въ отпускъ, а потомъ вовсе отъ службы, преподаваніе предметовъ, относящихся къ каедрѣ Энциклопедіи и Исторіи правовѣдѣнія, раздѣлено между наличными преподавателями Юридическаго отдѣленія, и въ слѣдствіе того Профессору практическаго судопроизводства Линовекому поручено съ 10 Марта 1848 года преподаваніе Исторіи Русскаго Права, Адъюнкту Пахману Энциклопедіи Права и Адъюнкту Комарницкому Обзорѣнія Русскихъ Законовъ.

Награды и измѣненія въ составѣ Лицея.

Награждены орденами : св. Анны 2 степени Профессоръ Естественной Исторіи Статскій Совѣтникъ Александръ Нордманъ за отлично усердную службу и особые труды ; св. Анны 3 степени Профессоръ Практическаго Судопроизводства, Коллежскій Совѣтникъ Владиміръ Линовскій, за заслуги по статуту ; напереннымъ крестомъ — Профессоръ Богословія, Протоіерей Михаилъ Павловскій ; знакомъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ Адъюнктъ Римскаго права, Статскій Совѣтникъ Викентій Пахманъ. Всемилостивѣйше пожалованы въ слѣдующіе чины : въ дѣйствительные Статскіе Совѣтники, за отличіе по службѣ, Врачъ Рижельскаго Лицея, Спиридонъ Карузо ; за выслугу узаконенныхъ лѣтъ :

въ Статскіе Совѣтники, Профессоры Лицея : Россійской Исторіи и Статистики Николай Мурзакевичъ, Физики — Василій Левтеропуло; Россійской Словесности — Кокетавинъ Зеленецкій и въ Коллежскіе Ассесоры Лекторъ Французскаго языка Альфонсъ Шапеллонъ. Утвержденъ Адъюнктомъ по кафедрѣ Россійскаго законовѣдѣнія и въ соотвѣтствующемъ сему званію чинѣ 8 класса, получившій степень Магистра Государственнаго Права, исправлявшій до тѣхъ должностъ Адъюнкта Андрей Комарницкій. Уволены : отъ исправленія должности Адъюнкта по кафедрѣ Энциклопедіи правовѣдѣнія Кандидатъ Михаилъ Михайловъ, по случаю перемѣщенія его Адъюнктомъ въ главный Педагогическій Институтъ, и отъ должности Бухгалтера Лицея Титулярный Совѣтникъ Дмитрій Карейша, по прошенію.

Учебныя пособія Лицея.

1) Основная бібліотека Лицея состоитъ изъ 5,785 названій, 12,256 томовъ, на сумму 18,105 руб. 94 коп. серебромъ. Завѣдываетъ ею Профессоръ Беккеръ.

2) Библіотека Института Восточныхъ языковъ заключаетъ въ себѣ 385 названій, 684 тома, на сумму 3,393 руб. 17 коп. серебр. Находится въ завѣдываніи исправл. должностъ Профессора Кузьмина.

3) Студентская бібліотека имѣетъ 361 названіе, 671 томъ, на сумму 729 руб. 43 коп. сереб. Завѣдываетъ ею Инспекторъ Лицея, Соколовъ.

4) Кабинетъ для чтенія получалъ Русскихъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ 37. Завѣдываетъ онымъ Инспекторъ Лицея.

5) Физическій кабинетъ состоитъ изъ 302 снарядовъ, на сумму 5,342 руб. 13 коп. сереб. Кабинетомъ завѣдываетъ Профессоръ Левтеропуло; при немъ состоитъ механикъ Фалькъ.

6) Кабинетъ Астрономическихъ и Геодезическихъ инструментовъ состоитъ изъ 51 инструмента, на сумму 2,790 руб. 84 коп. серебр. Кабинетомъ завѣдываетъ Профессоръ Петровскій.

7) Химическая Лабораторія, для которой приобрѣтена въ семь году значительная часть химическихъ снарядовъ и аппаратовъ, заключаетъ въ себѣ 1,628 предметовъ, на сумму 1,971 руб. 10 коп. сер.

8) Въ Минералогическомъ кабинетѣ состоитъ 3,178 штукъ на сумму 2,096 руб. 29 коп. сереб.

9) Въ Технологическомъ кабинетѣ находится 30 моделей, на сумму 422 руб. 71 коп. сереб.

10) Въ кабинетѣ Земледѣльческихъ орудій находится 27 моделей, 1 шерстомѣръ и собраніе пробъ овечьей шерсти на сумму 361 руб. 7 коп. сереб.

Химическая Лабораторія и послѣдніе три кабинета находятся въ завѣдываніи Профессора Гассгагена.

11) Зоологическій кабинетъ заключаетъ въ себѣ 5,574 экземпляра, на сумму 1,877 руб. 87 коп. сереб.

12) Дендрологическое собраніе состоитъ изъ 54 экземпляровъ, на сумму 57 руб. 14 коп. сереб.

13) Гербаріумъ содержитъ въ себѣ 4,600 опредѣленныхъ породъ, на сумму 992 руб. 70 коп. сереб.

14) Собраніе окаменѣлостей состоитъ изъ 270 экземпляровъ, на сумму 236 руб. сереб. Зоологическимъ кабинетомъ и тремя послѣдними собраніями завѣдываетъ Профессоръ Нордманъ.

15) Въ Минцъ-кабинетѣ находится монетъ : серебряныхъ 128, мѣдныхъ 711; медалей : серебряныхъ 1, бронзовыхъ 462, жетоновъ 17 и оловянныхъ образцовъ 230 медалей, всего на сумму 1,190 руб. 20 коп. сереб.

Кабинетомъ завѣдываетъ Профессоръ Беккеръ.

Въ числѣ приращеній Зоологическаго кабинета заключается 70 штукъ раковинъ и полиповъ, большею частію окаменѣлыхъ, принесенныхъ въ даръ учителемъ коммерческихъ наукъ Керченскаго Уѣзднаго Училища, Романомъ Залогою.

Записки Учащихся.

Некоторые из Студентов Лицея, кроме посещенія лекцій, составленія журналовъ и сочиненій, задаваемыхъ преподавателями, занимались еще сочиненіемъ разсужденій на темы, заданныя Совѣтомъ Лицея. Темы эти, объявленныя имъ въ началѣ курса, были слѣдующія : по предмету Философіи : «о направленіяхъ Философіи XVII и XVIII столѣтій, ихъ причинахъ и слѣдствіяхъ», и по предмету Физики : «объ атмосферѣ въ термометрическомъ и гигрометрическомъ отношеніи.»

За удовлетворительное рѣшеніе первой задачи удостоенъ награды золотою медалью Студентъ III-го курса Физико-Математическаго отдѣленія Владимиръ Михневичъ, серебряною — Студентъ того же курса и отдѣленія Владимиръ Чарновскій. За таковое же рѣшеніе второй задачи, удостоенъ золотой медали Студентъ III курса Физико-Математическаго отдѣленія Маркъ Финкель.

На слѣдующій годъ утверждены Совѣтомъ Лицея, съ разрѣшенія г-на Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, слѣдующія темы : по предмету Естественной Исторіи : «Сравнительное описаніе процесса кровообращенія у животныхъ безпозвоночныхъ» и по предмету Русскаго Государственнаго Права : «Изложить исторію учрежденій Императрицы Екатерины II-й, съ показаніемъ ихъ значенія въ отношеніи къ предшествовавшему управленію, начиная съ Государственнаго преобразованія Россіи Петромъ Великимъ.»

Изъ сочиненій, представленныхъ по предметамъ отдѣленій Студентами окончивающими курсъ, нѣкоторыя признаны разсматривавшими ихъ преподавателями отлично-хорошими. Таковы сочиненія Студентовъ Юридическаго отдѣленія : Михаила Будянскаго, Зиновія Комарницкаго; Физико-Математическаго : Ивана Пугачева; Камеральнаго отдѣленія : Ивана Яновича и Александра Яновича.

Выпускные и переводные экзамены Студентовъ и приемные —

учениковъ VII класса состоящей при Лицеѣ Гимназіи начались съ 8 Мая и продолжались ежедневно по 17 Юня; они производились, на основаніи правилъ, особо составленными изъ Преподавателей Комитетами, а приемные въ засѣданіяхъ Совѣта. Его Превосходительство г. Попечитель Одесскаго Учебнаго Округа присутствовалъ при всѣхъ испытаніяхъ.

Измѣненія въ составѣ Учащихся.

Кромѣ 49 учениковъ, поступившихъ въ Лицей въ концѣ прошлаго учебнаго года, изъ VII класса состоящей при Лицеѣ Гимназіи, явилось въ началѣ нынѣшняго учебнаго года изъ другихъ учебныхъ заведеній, желающихъ поступить въ Студенты 62. Изъ нихъ выдержали экзаменъ и приняты въ Лицей 50, а именно : въ Юридическое отдѣленіе 16, въ Математическое 12, и въ Камеральное 22; остальныхъ 12, невыдержавшимъ экзамена отказано въ приемѣ. Въ продолженіе года уволено изъ Лицея 33; за тѣмъ осталось къ концу года 222; а именно : въ Юридическомъ отдѣленіи 71, въ Математическомъ 48 и Камеральномъ 103.

По окончаніи въ семь году полнаго курса наукъ, Студенты III курса удостоены полученія аттестатовъ — Юридическаго отдѣленія : Зиновій Комарницкій, Михаилъ Будянский, Василий Корвинъ — Павловскій, Константинъ Катакази, Клементій Голишевскій, Иванъ Антоновъ, Алексѣй Ганъ, Афанасій Манто, Петръ Пасхаловъ, Діонисій Прушинскій, Константинъ Гуренко и Фокіонъ Булатовъ; Физико-Математическаго отдѣленія : Иванъ Пугачевъ, Маркъ Финкель, Венидиктъ Жадаповъ, Владимиръ Михневичъ и Владимиръ Чарновскій; Камеральнаго отдѣленія : Иванъ Яновичъ, Александръ Яновичъ, Мануиль Крупянский, Иванъ Картамышевъ, Аннибалъ Сионовичъ, Леонъ Чернѣвичъ, Станиславъ Жульцинскій, Иванъ Павловъ, Никифоръ Самойловъ, Григорій Маркаревъ и Павелъ Поповъ.

Изъ втораго въ третій курсъ переводятся — Юридическаго отдѣленія : Степанъ Фонтапи, Михайлъ Синеековъ, Константинъ Палеологъ, Леонардъ Жуковскій, Николай Гурелъ, Георгій Густы, Константинъ Сандуци, Адрианъ Лосіевскій, Дмитрій Трощипскій и Вильгельмъ Швамбергъ; Физико-Математическаго отдѣленія : Михаилъ Корвинъ — Павловскій, Аркадій Павловскій, Владиміръ Скорскій, Бенонъ Дидковскій, Николай Гарпьеръ, Василій Поливановъ, Ипполитъ Дульскій, Константинъ Титаренко, Игнатій Прушинскій, Дмитрій Сизаревъ, Николай Черецъ, Іосифъ Свобода, Павелъ Любовицкій, Іосифъ Опацкій, Федоръ Еловицкій, Иванъ Мелешевъ, Иванъ Бартеневъ, Геронимъ Лосицкій и Наполеонъ Сарнецкій; Камеральнаго отдѣленія : Константинъ Милевскій, Баронъ Николай Корфъ, Александръ Малюковскій, Николай Длугоборскій, Степанъ Милановичъ, Бропиславъ Скибневскій, Андрей Товбичъ, Юлій Бржозовскій, Алексій Юзефовичъ, Константинъ Фатопуло, Людоміръ Скибневскій, Октавій Качинскій, Исидоръ Свищевскій, Юліанъ Ижицкій, Григорій Киріяковъ, Константинъ Маклаковъ, Егоръ Лангъ и Людвигъ Петрушевскій.

Изъ перваго курса во второй — по Юридическому отдѣленію : Василій Сербиновъ — Щерецкій, Владиміръ Семеновъ, Петръ Вейнбергъ, Николай Милковскій, Иванъ Черпякъ, Иванъ Юрчевскій, Николай Николичъ, Евгенийъ Квятковскій, Константинъ Андриопуло, Пробусъ Барчевскій, Александръ Котруца, Петръ Мира, Николай Рѣщиковъ, Леонтій Марцинковскій, Діонисій Кропивянскій, Григорій Маразли, Михаилъ Сафоновъ, Валтазаръ Агамаловъ, Фемистокль Попандопуло; по Математическому отдѣленію : Николай Соколовскій, Николай Бѣлый, Михаилъ Сикаръ, Леонардъ Станкевичъ, Василій Волошинъ, Адольфъ Голецкій и Михаилъ Крамаревъ; и по Камеральному отдѣленію : Конрадъ Гуйскій, Петръ Липковскій, Петръ Казанскій, Северинъ Багинскій, Владиміръ Караводинъ, Николай Сезеневскій, Михаилъ Косаръ, Станиславъ Моргулецъ, Адамъ Загоровскій, Болеславъ Залѣскій, Дмитрій

Калбасинъ, Василій Навроцкій, Дмитрій Пелино, Матвѣй Гундаревъ, Степанъ Касперскій, Ипполитъ Кропивницкій, Князь Александръ Кудашевъ, Карлъ Кригеръ, Людвигъ Делавосъ, Венедиктъ Микушевскій, Леопольдъ Подлевскій, Іосифъ Чарновскій, Яковъ Жуковъ, Викторъ Гофманъ, Михаилъ Максимовичъ, Александръ Брайкевичъ, Михаилъ Островскій, Георгій Богенъ и Яковъ Шнейдеръ.

По окончаніи курса наукъ въ состоящей при Лицеѣ Гимназіи, удостоены поступленія въ Студенты : Иванъ Миницкій, Василій Борзенцевъ, Алексій Вашура, Павелъ Козинцевъ, Василій Жилинъ, Иванъ Козловъ, Егоръ Лесли, Соломонъ Моргуліесь, Ярославъ Поплавскій, Болеславъ Росцишевскій, Феликсъ Паздерскій, Николай Постриганевъ, Степанъ Гончаровъ, Николай Ковалко, Брониславъ Скибневскій, Богданъ Шлецеръ, Степанъ Леонтьевъ, Иванъ Котовичъ, Константинъ Матяшевъ, Яковъ Березовскій, Павелъ Гертнеръ, Федоръ Гончаровъ, Николай Ольховскій, Францъ Стаховскій, Александръ Леонтьевъ, Эдуардъ Руккеръ, Николай Альбрантъ, Авраамъ Бернштейнъ, Иванъ Кондури, Михаилъ Саражинъ, Никита Шпмановскій, Авраамъ Шпръ, Иванъ Пискорскій, Михаилъ Фурсенко, Яковъ Чесель, Хаймъ Бернштейнъ, Николай Ганскій, Викентій Совинскій, Болеславъ Яшицкій, Давидъ Выводцевъ, Христофоръ Деляновъ, Андрей Сафоновъ, Карлъ Курошинскій, Калустъ Поповъ и Іосифъ Бернштейнъ.

Сверхъ того Витольдъ Могильницкій, выдержавшій въ прошломъ году испытаніе, но не поступившій тогда въ число Студентовъ, по недостиженію узаконеннаго возраста, нынѣ, на основанія предписанія г. Министра Народнаго Просвѣщенія принимается въ первый курсъ Камеральнаго отдѣленія.

Свѣдѣнія представленія вниманію вашему, Мм. Гг., въ семъ краткомъ отчетѣ о состояніи и дѣятельности Лицея въ истекшемъ году, свидѣтельствуютъ о постоянномъ возвышеніи значенія Лицея, какъ высшаго учебнаго заведенія въ Новороссійскомъ краѣ; свидѣтельствуютъ

также и о всегдашнемъ дѣлательномъ и заботливомъ попеченіи высшаго начальства о судьбахъ нашего заведенія. Мѣры, на приведеніе конхъ въ исполненіе послѣдовало въ 1871 году Высочайшее соизволеніе, обеспечивають прочнымъ образомъ будущіе его успѣхи. Будемъ надѣяться, что Лицей нашъ, преуспѣвая на пути истиннаго просвѣщенія въ духѣ Православія, Самодержавія и народности, будетъ достойнымъ памятникомъ Высокаго покровительства, коимъ осынены подѣ Скипетромъ Августѣйшаго нашего Монарха всѣ ученныя и учебныя заведенія въ Отечествѣ нашемъ.

~~5171~~

414594

НАУКОВА БИБЛИОТЕКА ОНУ ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА